

[ISSN 0130—3562]

ДОН

87 | I

Разыскания, публикации

Р. Редин

Пушкин, донской историк В. Сухоруков и декабристы

*Блещи средь полей широких,
Вон он летится! Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.*

А. С. Пушкин. «Дон». 1829.

Известная «Записка» А. С. Пушкина о донском историке В. Д. Сухорукове в собраниях сочинений¹ датируется 1829 годом. Однако имеется ответное письмо на эту «Записку» от А. Х. Бенкендорфа, датированное 29 августа 1831 г. Получается, будто этот пунктуальнейший корреспондент Пушкина на сей раз «удостоил» его ответом... спустя два года!

В вышедшем из печати в 1941 г. XIV томе (Перепишем 1828—1831 гг.) юбилейного академического Полного собрания сочинений Пушкина по досадному упущению «Записки» Пушкина о Сухорукове вообще не оказалось, хотя письмо Бенкендорфа находится в этом томе (с. 215—216). И только в XVII, дополнителном, томе этого Полного собрания, изданном в 1959 г., была опубликована «Записка» Пушкина о Сухорукове с пояснением: «Том XIV. В разделе «Деловые бумаги» пропущена Записка Пушкина о В. Д. Сухорукове, написанная летом 1829 года и представленная в III отделение. Автограф находится в ПД (№ 731) в Ленинграде. Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в редактированном им Собр. соч. Пушкина (СПб., 1903, т. V, с. 415—417). Текст Записки приводится ниже»².

Тем примечательнее, что еще в 1941 г. в Ростове-на-Дону был издан сборник историко-литературных очерков А. М. Линина «А. С. Пушкин на Дону» — с текстами «Записки» Пушкина (по публикации 1899 г. В. Е. Якушина) и ответного письма на нее от Бенкендорфа, найденного А. М. Лининым в издании сочинений Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, СПб., 1908, с. 312—313). В скобках уместно отметить, что пушкинская «Записка» о Сухорукове приводилась затем в очерке А. М. Линина «Историк Дона В. Д. Сухоруков» в дитальманакхе «Дон» за 1949 г., № 2 (15), с. 181—182. А по изданию 1941 г. сборника А. М. Линина «А. С. Пушкин на Дону» пушкинская «Записка» цитируется в работе видного советского историка А. В. Фадеева. «Декабристы на

Дону и Кавказе», изданной в Ростове-на-Дону в 1950 г. (с. 31—32).

Прежде чем перейти непосредственно к уточнению даты «Записки», необходимо привести здесь наиболее существенные подробности из биографии талантливейшего историка Дона.

Родился Василий Дмитриевич Сухоруков в 1794-м или 1795 г., окончил в 1815 г. юридический факультет Харьковского университета со степенью кандидата права. С 1819 г. прикомандирован в Новочеркасске к И. Ф. Богдановичу в Комитет для составления Положения об устройстве Войска Донского («Донской комитет»), созданный под председательством А. И. Чернышова для введения на Дону системы управления «в виде губернской». В декабре 1821 г. Чернышов берет Сухорукова в свою канцелярию с переводом по воинской службе сотником в лейб-гвардии казачий полк, в Петербург, где Сухоруков быстро приобретает известность как автор исторических очерков о донском казачестве³.

Задавшись целью написать историю Дона, Сухоруков еще в марте 1822 г. представил Богдановичу ее план, получив в помощь для сбора архивных материалов трех человек, тоже питомцев Харьковского университета. И с ними Сухоруков «собъехал все округа и разобрал архив Новохоперский, помощники его ему разобрали архивы: Черкасский, Таганрогский, Дубовский, Царицынский, Астраханский и бывших крепостей Аннинской и Дмитриевской, откуда (были) выписаны все примечательные даты, относящиеся к истории Войска Донского». Из одной лишь крепости Дмитрия в Ростове-на-Дону Сухоруков вывез 863 архивных дела, множество карт, чертежей и различных планов⁴.

Недаром в «Записке» о Сухорукове Пушкин особо подчеркивает большую и научную ценность труда Сухорукова и в качестве археографа: «С 1821 года предпринял он труд, важный не только для России, но и для всего ученого све-

ка... Сухоруков просмотрел все архивы присутственных мест и станций Донской земли, также архивы: Азовский, Саратовский, Царицынский, Астраханский, наконец, и Московский. Выписанные им исторические акты заключают более пяти тысяч листов, кроме того, Сухоруков приобрел множество разных летописей, повестей, поэм и проч., объемлющих историю донских казаков»⁵.

Более 3 000 листов с выписками по истории Дона переслал Сухорукову в 1823—1824 гг. из Московского архива П. М. Строев, виднейший из членов Румянцева общества кружка и страстный энтузиаст отечественной археографии как раз в период ее становления⁶. «Вы первый раскрыли мне историю моей родины, — с благодарностью писал Сухоруков Строеву уже в 1835 г., — заставили полюбить изыскания о ней; теперь это сделалось потребностью моей души⁷. А в письме от 16 марта 1825 г. к Строеву, своему истинному вдохновителю и советнику в работе над историей Дона, Сухоруков жаловался: «Вы спрашиваете, как идет моя история? К сожалению... меня ужасно торопят и требуют истории почти по заказу... я принужден был бросить все написанное в подобном плане и теперь... хочу составить (историю Дона) собственно для команды, а подробно займусь особенно для (научного) издания»⁸.

За вариант истории Дона «для команды» Сухоруков принял на исходе 1824 г., после экспедиции по Новгородской и Псковской губерниям, о чем он 10 ноября писал Строеву: «Я теперь всю зиму надеюсь провести на месте, в Петербурге, и буду заниматься одною донскою историей»⁹. Летом 1825 г. Сухоруков, побывав с Чернышовым в Таганроге, уехал в Новочеркасск, где по предписанию Чернышова с 6 декабря 1825 г. был прикомандирован к Богдановичу до завершения своих работ по статистике в истории Дона.

После восстания декабристов 14 декабря 1825 г. Сухоруков, как полагают историки, за близость с издателем «Русской старины» декабристом А. О. Корниловичем, оказался с июня 1826 г. в Новочеркасске уже на положении ссыльного, с предписанием из Петербурга к местным властям «ежемесячно доносить о его поведении»¹⁰. Затем в феврале 1827 г. в Новочеркасск пришло предписание Чернышова о ссылке Сухорукова на Кавказ; но любопытно, что Сухорукову оно было предъявлено лишь 26 июня 1827 г. — в тот день, когда он закончил вариант «для команды» его грота «Историческое описание Земли войска Донского»¹¹. А уже на следующий день Сухоруков, по приказанию Богдановича, был вынужден сдать собранные им архивные бумаги и все рукописи по истории Дона.

На Кавказе Сухоруков сперва попадает во «фронтную» службу и награждается в 1828 г. Владимиром и золотой

саблей за отличия при взятии Карса и Ахалцыха. В то же время он становится «усердным сотрудником» в «Тифлиских ведомостях». И из «фронта» он переходит чиновником для особых поручений к начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса Д. Е. Остен-Сакену, а затем Сухорукова назначает управляющим своей канцелярией сам командующий И. Ф. Паскевич, поручивший ему также вести военно-исторические записки о турецких кампаниях 1828—1829 гг.

В июне-июле 1829 г. состоялось водноуездное знакомство и сближение Сухорукова с Пушкиным, принимавшим участие в Арзрумском походе.

В январе 1830 г., по предписанию Чернышова, у Сухорукова в Тифлисе были отобраны все бумаги вместе с его записками о русско-турецкой войне 1828—1829 гг., а Сухоруков был отправлен служить в Финляндию. Осенью 1831 г. Сухоруков получил продолжительный отпуск «трехлетнюю льготу», и возвратился в Новочеркасск.

Таковы наиболее существенные подробности, какие надо иметь в виду в биографии Сухорукова при определении даты «Записки» Пушкина, датируемой во всех изданиях сочинений Пушкина до настоящего времени 1829 годом.

Между тем еще в работе А. М. Лямина «А. С. Пушкина на Дону», изданной в 1941 г., приводятся весомые аргументы для датирования «Записки» Пушкина о Сухорукове 1831 годом. А. М. Лямина, во-первых, обратил внимание на указание В. Е. Якушкина на то, что вместе с «Запиской» автографом «в бумагах Пушкина находилась записка, писанная чужой рукой, может быть, самим Сухоруковым»¹²; и, во-вторых, пришел к резонному выводу, что Пушкин в 1829 г. мог лишь взять у Сухорукова его записку: «Из этой записки Пушкин почерпнул нужный ему фактический материал... В 1831 г. ...он подал в III отделение... официальную записку, имевшую целью помочь Сухорукову получить копии с отнятых у него исторических документов»¹³.

И действительно, просто невероятно, чтобы с ходатайством о Сухорукове Пушкин решился обратиться к Бенкендорфу в 1829 г., когда у самого поэта были серьезные неприятности из-за «самовольного», без ведома царя, «странствия» за Кавказом. И с другой стороны, для ходатайства о Сухорукове особенно подходящим у Пушкина было время летом 1831 г., в Царском Селе, куда, по причине холеры, свирепствовавшей в Петербурге, в июле переехал двор Николая I. Пушкин получил как раз в это время разрешение царя на работу в архивах¹⁴. И, кроме того, сообразуясь с датой ответного письма Бенкендорфа (в Царском Селе) от 29 августа 1831 г. Пушкину, вполне логично датировать «Записку» Пушкина о Сухорукове Бенкендорфу и юлем — августом 1831 г.

Не имея здесь места для анализа обстоятельной «Записки» Пушкина в целом, надо все же сказать, что ошибочность ее датировки 1829 годом очевидна и из ее содержания. Так, в «Записке» в числе сановных недоброжелателей Сухорукова наряду с Чернышовым упоминают в прошедшем времени и Паскевич: «Будучи потом откомандирован в Кавказский корпус, Сухоруков был употреблен графом Паскевичем. Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. Доказательством тому служит то, что все бывшие начальники принуждены были употребить его, даже и недоброжелательствовавшие ему»¹⁵.

Ясно, что написать таким образом о Паскевиче Пушкин мог лишь после репрессивного удаления Сухорукова в 1830 г. с Кавказа, а никак не в 1829 г., когда Сухоруков виделся с Пушкиным в армии Паскевича в Закавказье. «Сухоруков сказывал мне, что единственное его желание было бы дозволение хотя взять копии с приобретенных им исторических материалов, на которые он употребил пять лет времени, и потом на свободе заняться составлением истории донских казаков»¹⁶, — писал Пушкин в этой «Записке», лично врученной им Бенкендорфу, что видно из письма Бенкендорфа от 29 августа 1831 г. с подчеркнuto вежливым отказом вернуть Сухорукову даже в копиях собранный им материал по истории Дона и «множество» донских «древних летописей, повестей и поэм»¹⁷.

Анализ данного письма Бенкендорфа также убеждает, что «Записка» о Сухорукове поступила к нему от Пушкина в Царском Селе в июле—августе 1831 г. К сожалению, эта «Записка» Пушкина и ответ на нее от Бенкендорфа до сих пор не вошли еще вместе в академические издания сочинений и двусторонней переписки Пушкина.

А между тем от даты пушкинской «Записки» о Сухорукове зависит, наряду с прочим, выяснение причин перевода донского историка в январе 1830 г. с Кавказа в Финляндию. Датируя пушкинскую «Записку» о Сухорукове 1831 годом, пылливый исследователь его биографии А. М. Линин указал при этом на вздорность версии, будто ухудшение участи Сухорукова в 1830 г. было связано с ходатайством о нем Пушкина в конце 1829 г.¹⁸ Ссылаясь на статью Е. Г. Вейденбаума «Декабристы на Кавказе», Линин полагал, что на самом деле Сухоруков подвергся обыску и ссылке в Финляндию в 1830 г. по доносу Н. А. Бутурлина, адъютанта Чернышова, приехавшего в армию Паскевича в 1829 г., в Закавказье, вряд ли случайно в одно время с Пушкиным¹⁹.

Эта статья Вейденбаума посвящена в основном обстоятельствам опалы генерала Н. Н. Раевского-младшего за его «обед» в сентябре 1829 г. в Закавказье с декабристами, разжалованными в рядовые, на котором был и Бутурлин, донесший затем на Раевского в Петер-

бурге²⁰. Вейденбаум в этой статье освещает и неблагоприятную роль Паскевича в опале Раевского, подчеркивая при этом, что появление Бутурлина на Кавказе «отразилось таким же образом и на судьбе В. Д. Сухорукова» и что Паскевич поступил с Сухоруковым так же неблагоприятно, «как в деле Раевского»²¹.

О роли, какую Паскевич сыграл в судьбе Сухорукова, дает достоверное представление другая, оставшаяся втиснуту неизвестности, статья Вейденбаума «Кавказские знакомцы Пушкина», где цитируется следующее донесение Паскевича от 16 января 1830 г. к Чернышову, по приказу которого у Сухорукова 13 января 1830 г. в Тифлисе были изъяты все рукописи: «В числе бумаг, опечатанных у сотника Сухорукова, находится историческое описание войны 1828 и 1829 годов, составленное по моему приказанию. Употребление Сухорукова к каковому поручению, когда он, как известно, замешан в происшествии 14 декабря и находится под секретным надзором, не должно удивлять вас, ибо в одинаковом с ним разряде находились многие, служившие при мне, как-то: генерал-майор Бурцов, полковник Леман, поручик Пушин, Искрицкий, и полковник Вальховский был в замечании. Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли, я... принужден был давать (важнейшие) поручения моего рода чиновникам...»²².

Это донесение Паскевича о Сухорукове уместно сопоставить с его же донесением от 30 октября 1829 г. Чернышову по «делу» об «обеде» Раевского с разжалованными декабристами: «Поступок генерала Раевского... есть признак того (на Кавказе в среде декабристов) дух сообщества... с помощью связей между собой живет. Сие с самого начала моего командования здесь не было спущено от наблюдений моих, и я тогда же просил графа Дибича снабдить меня хотя несколько другого рода генералами, которые с добрыми правилами соединили бы и способности; но, не получив их, я должен был действовать (с) теми, какие были... По множеству здесь людей сего рода главное в наблюдении есть то, чтобы они не имели прибежища лицам высшего звания, так скажите пункты соединения...»²³.

Далее в донесении Паскевич требовал удаления из Кавказского корпуса вместе с генералом Раевским также генералов Д. Е. Остен-Сакена и Н. Н. Муравьева, вообще не имевших никакого отношения к пресловутому «делу» об «обеде» Раевского, но относившихся тогда с сочувствием на Кавказе к ссылке декабристам. Признавая их воинские заслуги, Паскевич ранее, в рапорте от 15 июля 1828 г. И. И. Дибичу, писал: «Вообще разжалованных во всех сражениях употреблял я в первые ряды... и всегда там, где представлялась наиболее опасность... Все они вели себя отлично храбро... Хотя таковые заслуги разжалованных по делу о зле

мышленных обществах ...обращают на их внимание начальства, но я полагаю, что производство их в офицеры можно отложить до окончания настоящей войны»²⁴.

В этих донесениях Паскевича о Сухорукове, Раевском и декабристах содержится весьма убедительные доказательства той истинны, что именно декабристы и к ним «прикосновенные», коими, для их «исправительного наказания», по воле Николая I с 1826 г. пополнялся Кавказский корпус, и представляли в нем наиболее квалифицированную и боевособную силу. А по архивным данным, приводимым историком А. В. Фавревым, уже в 1827 г. в Кавказском корпусе было более 2 800 «участвовавших в итеже нижних чинов» и 65 офицеров, а из них 38 человек были сосланы на Кавказ рядовыми, с правом «выслуги»²⁵. Эти-то и были как раз и завкаской, и изетом 15-тысячного войска Паскевича «Арзрумском походе, венчающем важные войны России в 1826—1829 гг. в Кавказе» Адрианопольским договором от 2 сентября 1829 г.

А в личном архивном фонде бумаг Г. Н. Раевского-младшего в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР пишущий эти строки обнаружил совсем недавно, в 1981 г., черновики объяснительной записки Раевского под заглавием «О разжалованных в Грузию», адресованной, видимо, Венендорфу и написанной в конце 1831 — начале 1832 г., поскольку В. Д. Вольховский назван в ней генералом, а этот ранг получен им в 1831 г. в Польше, а Паскевич — уже «его светлостью», князем Варшавским», титул которого был присвоен ему тоже в конце 1831 г. в Польше.

Привожу, с некоторыми сокращениями, текст этой записки Раевского, имеющей прямое отношение к содержанию рассмотренных выше донесений Паскевича: «До приезда моего в Грузию разжалованные были уже присланы... Я надел впечатления (от) событий, до них относящихся, (уже) ослабленными отдаленностью и мыслями о готовящейся войне (с Турцией)... Не должно терять из виду, что многие (декабристы)... занимали, однако ж, значительные места даже в штабе Отдельного Кавказского корпуса). Например, генерал Бурцов ... исполнял некоторое время в 1828 году должность начальника штаба, генерал Вальховский был обер-квартирмейстером ... полковник Леман исполнял должность дежурного штаб-офицера, Сухоруков управлял собственною канцеляриею его светлости (фельдмаршала Паскевича), наконец, рядовым Пушину и Коновальщину были доверены, как инженерам, главные работы всех осад...»²⁶.

В черновике этой записки, в которой названы те же декабристы, что и в донесении Паскевича от 16 января 1830 г. о Сухорукове, Раевский смело высказывает также гуманную мысль, что декабристы, сосланные на Кавказ, заслужи-

вали полного «прощения» уже в то время. Однако черновик Раевского с перечнем ключевых должностей, «доверявшихся» декабристам в штабе Кавказского корпуса, не случайно пестрит лишь глаголами прошедшего времени: «занимали», «исполнял», «управлял», «был».

Вот самая скупая справка о них, а также и близких к ним «лицах высшего звания», названных Паскевичем в числе неугодных ему в донесении от 30 октября 1829 г. о Раевском; генерал И. Г. Бурцев, командир пехотной бригады, погиб в июле 1829 г. в Закавказье при взятии Байбурта; полковник В. Д. Вольховский переведен в 1830 г. с Кавказа в Польшу, «по неудовольствию» с Паскевичем; поручик М. И. Пушин, выполнявший фактически функции главного инженера Кавказского корпуса, был тяжело ранен в 1828 г. и уволен со службы в феврале 1831 г., «за ранюю»; поручик П. П. Коновальщину умер от холеры в августе 1830 г.; уместно заметить, что в августе 1830 г. от холеры умер и декабрист майор Н. Н. Семичев, служивший в Нижегородском драгунском полку Раевского; генерал Н. Н. Муравьев (Карский), командир резервной пехотной бригады, и генерал Д. Е. Остен-Сакен, исполнявший обязанности начальника штаба, оставили в 1830 г. Кавказ «по неудовольствию» с Паскевичем; Раевский же, имевший громкую репутацию «авангардного» генерала и командовавший в Арзрумском походе уже всей конницей армии Паскевича, в декабре 1829 г. был по указу царя отстранен от командования Нижегородским полком и в 1831 г. тоже удален с Кавказа.

Репрессивный характер этих служебных «перемещений» отмечен в работах академика М. В. Нечкиной. А по поводу Сухорукова еще Е. Г. Вейденбаум писал, что «гроза в 1830 г. разразилась не над одним Сухоруковым, а почти над всеми служившими в Кавказском корпусе разжалованными за 14 декабря и к ним «прикосновенными» ...На долю Сухорукова выпал перевод в донский казачий полк, располагавшийся в Финляндии»²⁷.

Черновик записки «О разжалованных в Грузию» Раевского следует включить в материалы к биографии Сухорукова особенно потому, что в них Раевский упоминается, пожалуй, лишь однажды, в мемуарах декабриста Д. И. Завалишина, вспоминаяшего, в частности, что когда в январе 1826 г. он был под арестом в Главном штабе в Петербурге вместе с другими декабристами, а также с «братьями Раевскими», то их «разговор не раз касался того, были ли аресты на Дону и не арестован ли Сухоруков»²⁸. Тем очевиднее ценность этого черновика Раевского, относящегося к важному периоду службы Сухорукова с 1827-го по 1830 г. на Кавказе, где в среде декабристов Раевский был своим человеком²⁹. Освещение же отношений Раевского и Сухорукова позволяет внести весьма су-

цественные и достоверные подробности и в отношении Сухорукова с Пушкиным во время посещения им в 1829 г. Закавказья⁹.

Черновик записки Раевского «О разжалованных в Грузию» не лишен интереса и потому, что в нем названы декабристы, о которых тепло, как о давних и близких своих друзьях, писал Пушкин в «Путешествии в Арзрум». В этом многоплановом произведении о Кавказе самыми захватывающими являются, конечно, путевые заметки, в которых Пушкин, на правах очевидца, показывает, что именно декабристы и Раевский были истинными героями стремительного похода армии Паскевича в Арзрум.

В «Путешествии в Арзрум», вышедшем из печати в 1-м томе «Современника», в 1836 г., Пушкин напоминал своим соотечественникам о гибели не только декабриста Бурцева в сражении с турками, но и Грибоедова в Персии, на посту посла, о видной роли декабристов и близких к ним лиц в успешных войнах России в 1827—1829 гг. в Закавказье, подчеркивая тем самым, что декабристы были достойнейшими сынами Отечества

и были вправе надеяться на изменение их судеб к лучшему.

И в этом смысле примечательны и пушкинском «Путешествии в Арзрум» известные строки поэта о Василии Дмитриевиче Сухорукове: «Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностью и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены»¹⁰.

По сути, эти строки Пушкина были его печатным напоминанием правительству Николая I о необходимости возвратить талантливому историку, хотя бы в копиях, собранные им еще в 1821—1825 гг. ценнейшие архивные материалы по истории Дона, о чем Пушкин ходатайствовал в «Записке» о Сухорукове поданной Бенкендорфу в 1831 г.¹¹

И конечно же необходимо, чтобы эти «Записки» Пушкина, занимающая важное место в материалах к биографии Сухорукова, заняла свое место, в хронологическом соответствии с письмом Бенкендорфа от 29 августа 1831 г., в академических изданиях переписки Пушкина.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ «Записка» А. С. Пушкина о В. Д. Сухорукове, датированная 1829 годом, впервые издана в сочинениях Пушкина под ред. П. А. Ефремова в 1903 г., затем в сочинениях и письмах Пушкина под ред. П. О. Морозова в 1906 г.

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., 1837—1837. АН СССР, т. 17, Л., 1959 г., с. 70. Публикацию «Записки» Пушкина о Сухорукове осуществил еще в 1899 г. В. Е. Якушкин, хотя П. А. Ефремов в 1903 г. тоже опубликовал ее с автографа Пушкина, указав в примечании: «Печатаем с собственноручной рукописи Пушкина, изъятая Анненковым из его рукописей. При этой же записке изъята и записка самого Сухорукова, послужившая, по-видимому, вместе с его устными рассказами материалом для Пушкина». — Сочинения А. С. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. 5, СПб., 1903, с. 415.

³ См., в частности, работы В. Д. Сухорукова: Историческое известие о Черкасске. — Северный архив, ч. 8, 1823; О внутреннем состоянии казаков в конце XVI столетия. — Труды Общества любителей российской словесности, 1824; Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетия. — Русская старина, 1825.

⁴ См.: В. Д. Сухоруков. Статистическое описание земли донских казаков. Новочеркасск, 1891, с. 1.

⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 70.

⁶ См. о П. М. Строеве: В. П. Козлов. Колумбы российских древностей. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1985, с. 21.

⁷ В. Д. Сухоруков. Историческое описание Земли войска Донского. Изд. 2-е, Новочеркасск, 1903, с. 4.

⁸ Там же, с. 4.

⁹ А. М. Линин. А. С. Пушкин на Дону. Ростов н/Д., 1941, с. 96.

¹⁰ См.: Восстание декабристов. Материалы, т. 8. (Дела следственной комиссии о замышленных обществах), АН СССР, Л., 1925, с. 182.

¹¹ Судьба этого исторического труда Сухорукова о донском казачестве, завершаясь описанием восстания на Дону под предводительством Кондратия Булавина, оказалась не менее драматичной, чем судьба самого историка. После отстранения Сухорукова от работы над его «Историческим описанием Земли войска Донского» эти «Описание» дорабатывалось затем И. Ф. Богдановичем с сотрудниками Сухорукова, но уже без его участия, и дважды, в 1830-м и 1834 г., представлялось на рассмотрение Николаю I, одобрявшему наконец-то его. И Богданович, в бывшие помощники Сухорукова «получили высочайшие награды за участие в этом труде», однако даже в «отредактированном» виде труд Сухорукова при Николае I лежал на полке неизданным. Только в 1867 г. в Новочеркасске была издана, да и то лишь 1-я часть «Исторического описания Земли войска Донского»; 2-я же часть этого труда Сухорукова была издана там же только в 1872 г.! Тем убедительнее звучит похвала в предисловии ко 2-му изданию «Исторического описания Земли войска Донского», тоже в Новочеркасск

в 1903 г.: «До настоящего времени это Описание является лучшей историей Войска Донского; к сожалению, оно доведено только до 1709 года». См. также: В. Д. Сухоруков. Статистическое описание..., с. 2—3.

¹² В. Е. Якушкин. О Пушкине. М., 1899, с. 176.

¹³ См. также примечание 2.

¹⁴ Пушкин эту важную для него новость сообщил в письме из Царского Села от 21 июля 1831 г. к П. В. Нащокину: «Зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики». — А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти т., изд. 2-е, АН СССР, М., 1958, с. 367.

¹⁵, ¹⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. 1837—1937. АН СССР. Л., 1959, т. 17, с. 70, 71. Это юбилейное академическое издание сочинений Пушкина принято почему-то называть 16-томным, хотя есть еще данный, 17-й, том, как раз с «Запиской» Пушкина о Сухорукове.

¹⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. 1837—1937. Л., 1941, т. 14, с. 215 (Письмо Бенкендорфа от 29 августа 1831 г. Пушкину).

¹⁸, ¹⁹ См.: А. М. Линин. А. С. Пушкин на Дону, с. 142.

²⁰, ²¹ См.: Е. Г. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе. — Русская старина. Спб., 1903, № 6, с. 487—488, 499, 500.

²² Е. Г. Вейденбаум. Кавказские знакомцы Пушкина. — Пушкин и его современники. Выпуск 8. Спб., 1908, с. 9.

²³ Архив Раевских, т. I, Спб., 1908, с. 495.

²⁴ Е. Г. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе, с. 485.

²⁵ См.: А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в. АН СССР, М., 1960, с. 357.

²⁶ ЦГВИА СССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 154.

²⁷ Е. Г. Вейденбаум. Кавказские знакомцы Пушкина, с. 10.

²⁸ Древняя и новая Россия. Спб., 1878, т. 2, с. 171—172.

²⁹ В близких отношениях был на Кавказе Раевский и с самим Грибоедовым, писавшим еще в июне 1827 г. в одном из писем с Кавказа: «Завтра еду на железистые воды ... оттуда поднимаюсь на Сальвартн, пожить у Раевского». — Архив Раевских, т. I, с. 357.

³⁰ Так, А. М. Линин указывает, к примеру, на то обстоятельство, что о приезде Пушкина в армию Паскевича под Карс Сухоруков «был заранее уведомлен» (там же, с. 139). Уведомить же Сухорукова о предстоящем прибытии Пушкина в армию Паскевича мог именно Раевский, писавший в письме к своему отцу от 3 июня 1829 г. из Карса: «Пушкин теперь в Тифлисе, и, стало быть, скоро я получу о вас более подробные известия, поскольку он виделся с вами еще в Петербурге». — Архив Раевских, т. I, с. 468 (франц. — перевод В. М. Орлова).

³¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 17-ти т. 1837—1937. АН СССР, Л., 1938 г., т. 8 (1-й полумом), с. 479.